

ФЛОРЕНТИЙСКОЕ КВАТРОЧЕНТО

588

П. МУРАТОВ

1911-1912

Именем кватроченто называют ту эпоху итальянского Возрождения, которая заключена в пределы XV столетия. На необъятном кладбище истории, бесследно поглотившем целые народы, среди запутанного лабиринта могил, приютивших невечные страсти, недовоплощенные порывы, несделанные дела, памятник кватроченто возвышается одиноко и отдельно, прекрасный и законченный, как создание художника. У этой эпохи было изумляющее полнотой жизни существование. Другие эпохи проходят перед нашим умственным взором как идейные волны нескончаемого исторического прилива. Кватроченто обращается к нашим чувствам. Мы постигаем его так же, как постигаем состояние окружающего нас мира, — взглядом, дыханием, прикосновением. Для познания этого прошлого мало одного умозрения, подобно тому как мало его одного для близкого общения с человеком. И в том и в другом случае не столько

важно суждение разума, сколько мгновенное впечатление глаза или бессознательное ощущение тела. При каждом приближении к кватроченото до сих пор бывает слышно биение великого сердца, переполненного благороднейшей и чистейшей кровью. Иногда кажется, что история напрасно заключила эту эпоху в свои владения. Ее смерть больше похожа на сонный плен — тот плен, который держит в своих легких оковах людей Флоренции, изваянных флорентийскими скульпторами на флорентийских гробницах. Чуть заметная гордая улыбка на их тонких губах знаменует счастливейшую победу человечества, победу над смертью. Флоренция была колыбелью кватроченото и его саркофагом. В других итальянских городах путешественник встречается с накоплениями различных исторических эпох, то резко отрицающих друг друга, как в Риме, то странно примиренных, как в Венеции. На улицах Флоренции призрачно все, что было до начала XV столетия; ее “исход” лишь грезится нам над страницами священной книги Данте... Еще столетие самоуничтожающей борьбы, еще несколько ярких событий, трагических бедствий, монументальных фигур, едва успевающих прикрыть не-

отвратимое угасание, — и Флоренция перестала существовать. Три века новой европейской истории растаяли в лучах единственного века, который поглотил всю ее энергию. Они едва коснулись ее старых камней, покрывая их золотом и чернью, драгоценным убором времени. Кватроченто до сих пор остается настоящей жизненной стихией Флоренции. Познание этого прошлого мало нуждается в архивных розысках, в отвлеченной работе восстановления по законам исторической логики. Для того чтобы проникнуть в дух кватроченто, достаточно жить во Флоренции, бродить по ее улицам, увенчанным выступающими карнизами, заходить в ее церкви, которые хранят на стенах фрески, напоминающие цветом вино и мед, следить взорами за убегающими аркадами ее монастырских дворов. Историю ее гения можно прочесть в изгибе нарисованной линии, в тонкости барельефа, в начертании колонны. Предмет наших розысков здесь — всегда дело рук человеческих, и мы, как некогда Фома, прикосновением руки можем увериться в этом посмертном бытии, в этом торжестве над смертью. Как в евангельском событии, здесь является бессмертным не только бесплотный дух, но и телесное его воплощение,

сохранившее голос, улыбку на устах, теплоту тела и свежесть незакрывшихся ран... Только при этих условиях, только в этом спокойном, чистом и немного холодном воздухе могло высоко подняться вверх голубое пламя флорентийского интеллектуализма. Вера в безграничные владения человеческой мысли и в ее верховные права составляет существеннейшую черту в духовном образе кватроченото. Проявляя ее, Возрождение провело тем самым резкую пограничную линию, отделяющую его от средневековья. Оно так дорожило ею, что охотно пожертвовало ради нее глубиной былого мистического опыта, красотой прежних чувств, не знавших над собой воли разума. Тем не менее слишком явной ошибкой кажется обычное теперь сопоставление интеллектуализма кватроченото с рационализмом XVIII века или с современным позитивизмом. При этом теряется из виду самое ценное, что было во флорентийском интеллектуализме, — его высокая напряженность, которая уже никогда больше не повторялась. Кватроченото успело создать мало идей, оно было временем, когда пробудилась лишь самая способность идейного творчества, интересная, как новая ставка в игре человеческих сил и характеров.

Кватроченто не оставило после себя такого наследства “истин”, какое оставил XVIII век и какое во что бы то ни стало желаем оставить мы, но оно оставило зато богатое наследство индивидуальностей. Мысль была для того времени поистине крепким напитком, кружившим голову и умножавшим жизненные силы вооруженной ею бесстрашной личности. Все живое и человеческое, что было в последующих эпохах, исчезло, оставив за собой только ряд выводов, только отвлеченные формулы своего существования. Выводы флорентийского кватроченто живут неумирающе в сохранивших власть над всеми нашими чувствами образах и делах его людей. Особенность флорентийского интеллектуализма становится ясной, если мы взглянем на его носителей. Чтобы видеть его арену, не в гостиную мы должны идти, как в XVIII столетии, и не в кабинет ученого, как теперь, но в одну из тех пыльных мастерских, наполненных шумом работы и шутками многочисленных учеников... В одной из них вырос человек, который явился высшим и полным воплощением этой душевной способности кватроченто, — художник Леонардо да Винчи. Художник достиг вершин тогдашней мысли, конечно, не случайно, его судьба была

уже предсказана другими художниками. Флорентийская мысль рождалась в художественной оболочке, и к познанию мира она знала только один путь — через искусство. Для тех людей, проводивших свои дни за изучением форм человеческого тела, за отыскиванием нового способа живописи, за открытием новых тонкостей в обработке мрамора или бронзы, желание познавать было такой же необходимостью, как желание утолить голод и жажду. Оно являлось к ним вместе с первым дыханием жизни, и отнять его не могли ни бедная юность, ни скудость образования, ни суровая простота трудовых дней.

П. П. МУРАТОВ. *Флоренция. Кватроченто*
(1911–1912) // *Образы Италии*. М., 1994, с. 107–108, 116–117.

Ф Л О Р Е Н Т И Й Ц Ы И Ф Л О Р Е Н Т И Н К И

594

В. Я К О В Л Е В

1911-1912

Соломенные шляпы, au naturel, громадными полями — или бьют по носу, или рвут долой голову. Но, увы! Женщины здесь составляют сплошной контраст со всеми красавицами, которых встречаешь на полотне и в мраморе. По всей вероятности, однако ж, флорентинки умеют любить или, по крайности, привлекают к себе кокетством, потому что они окружены поклонниками и в экипаже, и в ложе, и даже в церкви. Густая толпа чичисбе-ев окружает преимущественно женщин замужних — и все они нимало не мешают друг другу. Обитательницам этих благословенных холмов не затруднительно найти свой идеал в действительности. Красивых мужчин здесь

несравненно более, чем образованных. Почти все они носят черную шелковистую бороду и усы и обладают приветливостью и учтивостью испанского гранда. Один романьол [житель Романьи], из моих знакомых, склонный, впрочем, к сарказму, утверждает, что флорентинцы очаровывают вас своим наружным лоском и общительностью, но набиты несноснейшими предрассудками; услужливы, уступчивы в мелочах, но в делах важных ненадежны и кривят душою, что вообще они лишены всякой энергии и чужды высоких стремлений века, что поскоблите этого католика, вы найдете — язычника, и так далее. В заключение, мой романьол прибавлял, что если от кого ждать энергичного содействия возрождению Италии, так наверное не от тосканцев. — От кого же? — спросил я, — от романьолов? — Именно! — отвечал мой собеседник с самоуверенностью.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ФЛОРЕНЦИЮ

596

Ф. БУСЛАЕВ

1864

Много воды утекло из Арно в Средиземное море с тех пор, как лет двадцать тому назад был я во Флоренции; и если б я захватил с собою свой прежний план этого города, то мне пришлось бы много блуждать, отыскивая знакомые прежде места между новыми улицами, новыми урочищами и под новыми названиями. Бесподобная площадь с так называемым Старым Дворцом и с ложею Ланци, в которой Персей Бенвенуто Челлини целые триста лет показывает проходящим отрубленную голову Медузы, та самая, где когда-то благочестивые последователи монаха Савонаролы, новое поколение юношей XV века, на великолепно, артистически убранном костре, для спасения души, жгли картины и книги мифологического и соблазнительного содержания и другие подоб-

ные предметы и где, для пробы его святости, сожгли и самого Савонаролу, — эта площадь в мое старое время называлась Площадью Великого Герцога, а теперь она стала Площадь Господ (Piazza della Signoria), площадь правителей республики; название старинных времен, к которому Флоренция воротилась под скипетром своего “вежливого короля”, вероятно, согласуясь с заголовками его манифестов, где значится, что он королевствует не только по Божией милости, но и по воле народа. Площадь Марии Новеллы, той самой церкви, где веселые собеседники Боккаччиева Декамерона собрались однажды, во время чумы, помолиться и поболтать и где порешили забавлять себя шутливыми рассказами, эта площадь в мое старое время была еще покрыта зеленой травой и цветами, как в XIV веке, во времена самого Боккаччио. Теперь она покрылась мостовой, на ней стоят извозчики в каретах и колясках, а кругом — модные магазины и самые роскошные, то есть английские, гостиницы и меблированные квартиры: никому и в ум не придет, что эта церковь еще недавно стояла на конце города и что около нее привольно росли трава и цветы... В мое время на тенистых лужайках Кашин, между темных лавров

и развесистых лип, сплетенных гирляндами плюща, преспокойно себе разгуливали, по милости герцога, и клевали корм необозримые стаи фазанов, не обращая внимания ни на стук экипажей, ни на толкотню гуляющих. Увы! Мало того, что я не застал в живых ни одного из этих своих старых знакомцев, но даже и все их многочисленное поколение пропало без вести. Долго я допрашивался, куда оно делось, и только случайно объяснил мне это один из моих уличных приятелей, в порыве своей патетической филиппики против Тедесков, так итальянцы зовут немцев. “Когда кругом Флоренции стояли лагерем тедески, — говорил он, — то жгли и топтали что ни попало; они-то и передушили всех фазанов”... Опустел и дворец Питти; как-то монументальнее, будто надгробные плиты, торчат громадные камни, из которых он построен, и печально смотрят его опустелые окна в лавровые и кипарисовые аллеи Боболи. Только престарелый лебедь пережил своих хозяев; плавает он по пруду в мраморном водоеме, между Нереидами, и ревниво оберегает свое гнездо с самкою и детенышами, воинственно подплывает ко всякому, кто приблизится к его водяному владению, и немилосердно щиплется, буд-

то напуганный недавними событиями, пронесшимися над дворцом Питти, как бы страшась, чтоб и его с его теплым гнездом не спровадили куда-нибудь в Австрию, куда скрылись его старые патроны... Так несколько дней, пока я блуждал по площадям и улицам Флоренции, старые воспоминания спутывались в голове моей с новизною и выглядывали из-под новых впечатлений, будто обломки античных колонн и пьедесталов, вставленные в недавнюю постройку...

Ф. И. Буслаев. *Флоренция в 1864 году* //
Мои досуги. М., 1886, ч. 1, с. 191-195.

М. ДОБУЖИНСКИЙ

1911

600

Мы во Флоренции. Ранний час, на улицах еще пусто, но солнце уже теплое. Здравуюсь с знакомыми любимыми местами. Вот мраморы Баптистерия, черные полосы собора, площадь, Лоджия, наконец, узенькая улица, аркады маленького театра с фонтаном, и мы “дома”. Останавливаемся в этой самой комнате, где жили когда-то, и сидя старушка встречает нас как старых друзей. Ничто не изменилось: те же старинные портреты, та же прохлада и полутьма от жалюзи. Из окна доносится уютный утренний шум улицы, кричит ослик, выкликают продавцы, насвистывают мальчишки, и слава богу, ни одного звука современного города. Только немного отдохнуть — и скорей окунуться в улицы, наглядеться, находиться до изнеможения!

М. Добужинский. *Воспоминания
об Италии*. Пг., 1923, с. 20–21.